

Колтаков Евгений Александрович

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТОЛОГИИ. К ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЪЁМА ПОНЯТИЯ

В статье автор обращает внимание на роль понятия предметного поля в исследованиях политической действительности и на проблемы идентификации его объёма. Указывается на важность взаимосвязи различных аспектов социализации личности в процессе формирования её политического сознания и поведения, а также подчеркивается значимость концепции Карла Шмитта при идентификации предметного поля политической науки. Обосновывается необходимость потенциального распространения предметного поля политологии за пределы политической системы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 93-98. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. **Гаман-Голутвина О. В.** Российские элиты как зеркало революции // Современные политические процессы. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. Вып. 7. Субъектное поле политики. Элита. Номенклатура. Бюрократия. С. 10-24.
7. **Гордиенко И.** Единая Россия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/91/71.html> (дата обращения: 25.12.2014).
8. **Для чего создается «Общероссийский народный фронт»? [Электронный ресурс].** URL: <http://www.levada.ru/19-05-2011/dlya-chego-sozdaetsya-obshcherossiiskii-narodnyi-front> (дата обращения: 12.11.2014).
9. **Егоров В., Морозов А.** Особенности современного российского партогенеза // Власть. 2011. № 9. С. 21-25.
10. **История партии «Единая Россия» [Электронный ресурс].** URL: <http://er.ru/history/> (дата обращения: 25.12.2014).
11. **Макаренко Б. И.** Парламентские выборы 2003 г. как проявление кризиса партийной системы // ПОЛИС. 2004. № 1. С. 51-65.
12. **О политических партиях (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]:** Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/183523/> (дата обращения: 15.03.2015).
13. **Общественное мнение об Общероссийском народном фронте [Электронный ресурс].** URL: <http://www.levada.ru/07-06-2013/obshchestvennoe-mnenie-ob-obshcherossiiskom-narodnom-fronte> (дата обращения: 21.11.2014).
14. **Петухов В. В.** Перспективы политической модернизации в России и развитие гражданской активности населения // Вестник Института социологии. 2011. № 3. С. 48-66.
15. **Салгирьев А. Р.** Особенности рекрутирования политической элиты в современной России // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (60). С. 118-120.
16. **Сведения о политических партиях, зарегистрированных Министерством юстиции Российской Федерации (по состоянию на 6 августа 2014 г.) [Электронный ресурс].** URL: http://www.cikrf.ru/politparty/sved_min_yust.doc (дата обращения: 26.12.2014).
17. **Электоральный рейтинг политических партий, движений и объединений [Электронный ресурс].** URL: http://www.indem.ru/IDD2000/arpi/_2/part_2.htm (дата обращения: 26.12.2014).
18. **Яницкий О. Н.** Митинги: некоторые итоги [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/blog_yan_39.html (дата обращения: 25.12.2014).

**FACTORS OF POLITICAL UNITY IN RUSSIA:
ELITE CONSENSUS AND PEOPLE'S SUPPORT OF POWER**

Kozhina Yuliya Vasil'evna

*Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
kozhina19@yandex.ru*

The article considers the problem of achieving political unity in modern Russia. The author argues that elite groups are the main social subject of power and control in modern society and aims to characterize political unity as a result of achieving intra-elite consensus, which source is political structures. The focus of the author's analysis is on the "party of power" and the "All-Russia People's Front" as these political forces have become an instrument of the consolidation of the elites and the whole Russian society in the second decade of the XXI century.

Key words and phrases: political unity; political consensus; political elites; party of power; People's Front; feedback mechanism; consolidating ideology.

УДК 3; 32:303.822.4

Политология

В статье автор обращает внимание на роль понятия предметного поля в исследованиях политической деятельности и на проблемы идентификации его объёма. Указывается на важность взаимосвязи различных аспектов социализации личности в процессе формирования её политического сознания и поведения, а также подчеркивается значимость концепции Карла Шмитта при идентификации предметного поля политической науки. Обосновывается необходимость потенциального распространения предметного поля политологии за пределы политической системы.

Ключевые слова и фразы: предметное поле политологии; объект и предмет политологии; политическая система; политическая власть; концепция «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко; политическая социализация; понятие политического Карла Шмитта.

Колтаков Евгений Александрович

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
evgkoltakov@yandex.ru*

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТОЛОГИИ. К ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЪЁМА ПОНЯТИЯ®

В общем и целом, идентификация понятия предметного поля политологии важна как для теоретической политологии, так и для прикладных задач политической и государственной практики. Для теоретиков данная проблема является одной из самых фундаментальных в политической науке и поэтому интересной сама

по себе, а для политтехнологов, политиков и государственных деятелей – ясность в этом вопросе во многом облегчила бы их непосредственную работу с политической действительностью, с решением задач в ходе избирательных циклов, задач по государственному строительству, социальному инжинирингу в целом и т.д. Но в чём сложность данной идентификации?

Прежде всего в том, что понятия политики и политической власти, с которыми предметное поле политологии непосредственно связано, сами по себе считаются «сущностно оспариваемыми» понятиями. На это всегда указывали и указывают до сих пор очень многие политические мыслители и политологи, в том числе и отечественные. Например, об этом прямо пишет Александр Иванович Соловьёв: «Как показал опыт интеллектуальной истории, да и самой жизни, “политика” представляет собой одно из наиболее показательных сущностно оспариваемых понятий» [29, с. 310]. Об этом же читаем и в «Категориях политической науки» под редакцией Андрея Юрьевича Мельвиля: «Неоднозначность объяснений понятия политики сохраняется по сей день. В русском языке данная ситуация осложняется ещё и тем, что одним словом “политика” обозначено сразу несколько важных аспектов этого вида жизнедеятельности человека. В английском языке существуют как минимум четыре термина, разграничивающих разные стороны политики как таковой: 1) собственно политическая сфера (англ. *politics*); 2) политический строй (*polity*), что близко к понятиям политической системы и политического сообщества; 3) политический курс, сознательно выработанная стратегия в этой области (*policy*); 4) сфера политического управления, подконтрольная общественности (*public policy*)» [15, с. 17]. То же самое касается и понятия политической власти, оно также считается «сущностно оспариваемым» и вызывает даже больше дискуссий среди политологов, так как является двусоставным («политика» + «власть»).

И именно по вышеперечисленным причинам мы *не* ставим перед собой цель дать определения понятиям политики и политической власти, не входит в наши планы также и проведение обзора их многочисленных трактовок. Мы лишь ставим перед собой цель обратить внимание исследователей на некоторые моменты и приёмы, использование которых может помочь им при идентификации объёма понятия предметного поля политологии, то есть в процедуре приложения содержания данного понятия непосредственно к социальной реальности, что актуально для конкретных политологических исследований. В ходе нашей работы выяснится, что *содержание* понятия предметного поля политической науки *оказывается* предельно узким и, как это ни парадоксально, в отличие от его *объёма*, не таким важным для данных исследований. Хотя, конечно, содержание понятия предметного поля политологии и является методологически необходимым в качестве своего рода инструмента, с помощью которого возможна релевантная идентификация данного поля. Иными словами, акцент в данной статье будет сделан прежде всего на проблемах в приложении понятия предметного поля политической науки непосредственно к социальной действительности, а не на его содержании, которое имеет в данном случае сугубо инструментальное значение. В свою очередь, так как предлагаемые нами приёмы и само предметное поле политической науки непосредственно связаны с содержанием «сущностно оспариваемых» понятий политики и политической власти, то мы, конечно, не можем не указать здесь на ряд известных проблем.

Прежде всего отметим, что многие политические мыслители пытаются оспорить и сам тезис о принципиальной оспариваемости того или иного понятия политической науки, и дать в своих работах такую его дефиницию, с которой могли бы согласиться и все остальные их коллеги. Однако этого, как правило, не происходит. Поэтому и сегодня абсолютного консенсуса по поводу единообразного использования в политологических исследованиях тех или иных политических понятий не существует. Так почему же не удаётся достичь всеобщего согласия?

Основная причина заключается в динамической природе как социальной, так и *политической* реальности. В социальной и политической системах (как и в любых других системах) по мере их развития и усложнения перманентно появляются новые эмерджентные свойства, которые существенным образом меняют их качественные характеристики. «Вероятно, самым значительным для осознания (хотя бы в первом приближении) всей сложности политики является и то, что за тысячелетия истории постоянно меняется она сама, расширяются не только границы политической сферы, но и представления о ней, нарастает масса концепций и подходов, содержащих её интерпретацию» [Там же] – пишет Андрей Юрьевич Мельвиль в тех же «Категориях политической науки». Об этом же говорит и Александр Иванович Соловьёв в своей статье о политике: «При толковании политики в любых теоретических моделях должна лежать идея развития политики, её сущностной трансформации в зависимости от развития общества, его организации и динамики интересов верхов и низов» [29, с. 319]. В статье о геохронополитике Михаил Васильевич Ильин также указывает, что «накопление отличий рано или поздно приводит к качественно иным состояниям, а значит – и к новой политической системе» [Там же, с. 43]. Эта постоянная трансформация качественных параметров социальных и политических систем вызывает, в свою очередь, необходимость соответствующих своевременных изменений при их описании.

Данная необходимость обусловлена прежде всего тем, что вследствие данных системных эффектов исследователи перманентно сталкиваются с такой методологической проблемой, как постоянное искажение категориально-понятийного аппарата социальных и политических наук. Данная абберрация происходит из-за того, что термины остаются прежними, а содержание понятий, их наполнение и трактовки меняются. Конечно, в том случае, когда понятие трансформируется эксплицитно, исследователи это замечают и для его обозначения, соответственно, вводят новый термин. Однако, когда понятие меняется имплицитно, это зачастую приводит ученых к подмене понятий, что, в свою очередь, ведёт и к искажению *результатов* тех или иных исследований. Поэтому практически каждый политолог сталкивается в своей деятельности с необходимостью постоянного переопределения релевантных для того или иного исследования понятий. «Эволюция

сферы политики, открывая в течение столетий то одни, то другие свои грани, демонстрирует необходимость постоянной переконцептуализации понятия “политика”» [Там же, с. 319], – справедливо замечает по этому поводу Александр Иванович Соловьёв. Но так как данное переопределение и по темпоральным, и по интеллектуальным затратам зачастую является полноценным исследованием, на практике у представителей науки зачастую нет времени этим заниматься.

Данная проблема усугубляется тем, что в политических науках понятиями, постоянно требующими соответствующего исследовательского контроля, являются понятия базовые, то есть непосредственно связанные с её предметным полем, – «политика» и «политическая власть». Отсюда можно сделать вывод: если дефиниции фундаментальных понятий политической науки, в силу динамического характера феноменов ими описываемых, являются содержательно неустойчивыми, то возникает необходимость очерчивания по крайней мере неких «формальных» границ (то есть идентификации объёма) предметного поля политологии. Что мы ниже и постараемся сделать.

Для начала выдвинем наш генеральный тезис: предметное поле политологии простирается далеко за границы своего «официального» объекта (то есть за пределы политической сферы общества или политической системы) и включает в себя более широкий спектр социальных явлений, происходящих в том или ином обществе. Заметим, что причины такого широкого распространения предметного поля связаны, прежде всего, с особым местом и ролью политической системы (будем придерживаться системной парадигмы и соответствующей терминологии) в социуме. В свою очередь, особое место и роль ей обеспечивает такой социально-политический феномен, как политическая власть, которая и определяет специфику политической системы как таковой. Феномен же политической власти, как мы знаем, непосредственно связан с «официальным» предметом политологии. Заметим, что предметное поле политологии не является ни синонимом объекта (политическая система), ни синонимом предмета (политическая власть) политической науки. Оно относится к такой социально-политической реальности, которая не замыкается на отдельно взятую политическую систему, а благодаря феномену политической власти, как правило, распространяется за её пределы. Напомним, природа *политической* власти такова, что для её функционирования в обществе (в зависимости от степени комплексности последнего и существующего в нём политического режима) характерно определенное стремление к той или иной форме «тотальности». Поэтому, как нам представляется, понятие предметного поля политологии нужно использовать в политической науке для того, чтобы иметь возможность *при необходимости* включать в сферу своего исследовательского интереса, помимо, собственно, того что имманентно политической системе, то, что может стать политическим в результате срабатывания механизма «перенормировки» социального в политическое. К этому механизму мы вернёмся, когда будем рассматривать второй из двух аспектов, на которые хотим сейчас обратить особое внимание.

Итак, первый момент относится к проблеме взаимосвязи социализации в целом с социализацией *политической* и непосредственно связанному с ней вопросу формирования политического сознания и поведения. В данной связи, например, имеет смысл обратиться к концепции «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко. Как мы знаем, данная власть в большой степени определяет отдельные действия индивидов в тех или иных жизненных ситуациях, что приводит к формированию соответствующих моделей поведения. «Дисциплинарная» власть способствует также формированию у индивидов взглядов на социальный мир в целом. А так как политика является неотъемлемой частью мира социального, то «дисциплинарная» власть формирует, соответственно, мировоззрение и поведение индивидов и в отношении *политического*. Высокая эффективность и широкий охват «дисциплинарной» власти обеспечивается тем, что она *асубъектна* и «растворена», таким образом, практически во всём социуме: в семье, в детском саду, в средней и высшей школах, в армии, в тюрьме, на заводе, в офисе, в больнице и т. д. Поэтому, принимая во внимание тесную взаимосвязь и взаимозависимость социализации в целом с социализацией *политической*, можно заключить, что предметное поле политологии, действительно, распространяется далеко за рамки сугубо политической системы и потенциально включает в себя все возможные точки проявления «дисциплинарной» власти.

В этой связи необходимо также обратить внимание на концепцию трёхмерной власти Стивена Льюкса, которая, в свою очередь, органично включает в себя концепцию «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко. Данная индоктринация осуществляется посредством так называемого третьего «лица» власти, которое Стивен Льюкс связывает с культурным «фоном» того или иного общества. Вот что пишет, например, Льюкс об идее «дисциплинарной» власти Фуко: «Как же нам теперь понимать идею Фуко о власти, “конституирующей” субъекта? Ответ Фуко в данном случае поучителен: “субъект складывается активно, через практики самости”. Эти практики “не являются тем, что изобретает сам индивид”; это – “схемы, которые он находит в своей культуре и которые предлагаются, внушаются и навязываются ему его культурой, его обществом и его социальной группой”» [25, с. 140]. Можно заметить, что третье измерение власти Стивена Льюкса также непосредственно связано с проблемами взаимоотношения социализации в целом с социализацией политической. И так как в данной концепции тоже говорится о значительном (хотя зачастую во многом и имплицитном) влиянии культурного «фона» не только на взгляды индивидов на мир в целом, но и на их политические взгляды в частности, то и в этом случае предметное поле политологии распространяется далеко за пределы политической системы и потенциально включает в себя *всю* культурную составляющую того или иного социума.

Таким образом, наша мысль о социализации проста: данный общественный институт (который, в свою очередь, состоит, как мы знаем, из множества отдельных институтов) как нечто целостное чрезвычайно сложен и многомерен, прежде всего, по своим функциям (политическая, культурная, экономическая, общесоциальная, профессиональная, гендерная и др.), поэтому чётко и строго отделить политическую социализацию

от прочих сторон социализации достаточно трудно, если не невозможно. Другими словами, различные проявления социализации принципиально *не* автономны, они – *взаимозависимы*. И в завершение мысли о мультиразмерности социализации хотелось бы вспомнить идею о государстве (в широком смысле) и месте человека в нём – классика социально-политической мысли Аристотеля: «Все общения стремятся к тому или иному благу, причём больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [4, с. 22] <...> «Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живёт вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек...» [Там же, с. 24]. Сейчас же социумы (то есть государства в широком смысле) намного усложнились: многочисленные структуры государства (здесь в узком смысле, как конституирующий то или иное общество институт) и гражданского общества в тех или иных странах (прежде всего в демократических) всё более пронизывают друг друга и часто обмениваются друг с другом функциями. Так что фактор мультиразмерности процесса социализации человека в современных обществах представляется нам чрезвычайно важным в контексте очерчивания границ предметного поля политологии.

Теперь можно перейти ко второму аспекту, который связан прежде всего с понятием политического у Карла Шмитта: «Специфически политическое различие, к которому можно свести и политические действия, и мотивы, – это различие друга и врага» [3, с. 291]. А сами эти линии «друг – враг» могут возникать (равно, как и исчезать) как напряжения высшей степени интенсивности в других линиях: например, экономической (последние различия «польза – вред»), этической («добро – зло») и даже в эстетической («прекрасное – безобразное»). «Приравнивание “государственного к политическому” становится неправильным и начинает вводить в заблуждение, чем больше государство и общество начинают пронизывать друг друга; все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными, и наоборот: все дела, прежде бывшие “лишь” общественными, становятся государственными...» <...> «В качестве полемического контрпонятия против нейтрализаций и деполитизаций важных предметных областей выступает тотальное государство тождественности государства и общества, не безучастное ни к какой предметной области, потенциально всякую предметную область захватывающее» [Там же, с. 292], – пишет Карл Шмитт. Заметим, что немецкий мыслитель говорит здесь прежде всего о западных представительных демократиях, в которых *общество* осуществляет свою «тотальность» на самое себя: «Партии, в которых организованы различные общественные интересы и устремления, и есть само общество, превратившееся в партийное государство. А поскольку партии экономически, конфессионально или культурно детерминированы, то государство уже не может оставаться нейтральным в отношении экономической, конфессиональной и культурной сфер. В государстве, ставшем самоорганизацией общества, уже нет ничего, что бы – по крайней мере потенциально – не было государственным и политическим» [16].

В связи с вышеизложенным напрашивается вывод о необходимости различать два уровня предметного поля политологии: актуальный и потенциальный. Актуальный уровень в таком случае будет включать в себя всю существующую на конкретный момент времени в том или ином социуме «политическую повестку дня» (программу действий), то есть все так или иначе (кстати, вовсе не обязательно в плоскости публичной политики) политизированные вопросы и проблемы данного общества. А потенциальный уровень, соответственно, должен включать в себя все те вопросы и проблемы, которые остаются вне этой «политической повестки дня», но у которых есть высокий потенциал стать при определённых обстоятельствах актуальными с точки зрения политики, то есть стать значимыми либо для всего социума в целом, либо для значительной его части. Таким образом, комплекс политически значимых вопросов и проблем не является статичным, он постоянно меняется. «Поскольку общество применяет политические механизмы избирательно, в зависимости от характера общественных конфликтов, то получается, что наличие и уровень организации социальных конфликтов, опосредованных политикой, изначально не определён» [29, с. 317], – пишет в данной связи Александр Иванович Соловьёв. И хотя, как правило, в любом обществе есть некоторый пул так называемых «вечных» или «проклятых» вопросов, тем не менее «объём политических отношений в обществе постоянно меняется в зависимости от динамики различных конфликтов, в которые приходится вмешиваться государству и применять методы избирательного перераспределения статусов и ресурсов» [Там же].

Поэтому в заключение отметим, что для того чтобы политическая наука была бы не просто лишь реакцией на политическую повестку дня (что тоже, разумеется, важно), но также обладала бы определённым прогностическим, предсказательным потенциалом, всегда необходимо учитывать потенциальный уровень предметного поля политологии. Нужно уметь выявлять эти возможные точки напряжённости в том или ином обществе, которые при определённых обстоятельствах могут быть политизированы и оказывать, таким образом, в области политически актуального. Политизация (или деполитизация), заметим, происходит посредством контроля над политической повесткой дня (или программой действий), что является актуализацией так называемого второго «лица» власти, концепция которого была впервые выдвинута Бахрахом и Барацом, и которое было включено, в свою очередь, Стивеном Льюксом в его собственную концепцию трёхмерной власти. Вместе с тем, так как и мультиразмерность социализации, и потенциальный уровень предметного поля политологии (политизация-деполитизация) так или иначе связаны с феноменом политической власти, то именно последняя является тем инструментом, с помощью которого оказывается возможным очерчивать в том или ином конкретном случае предметное поле политической науки. При этом, конечно, надо не забывать, что концепции «дисциплинарной» власти Мишеля Фуко и трёхмерной власти Стивена Льюкса являются «сущностно оспариваемыми».

Кроме того, рассмотрев оба аспекта, способствующих распространению предметного поля политологии за границы политической системы (многомерность социализации и потенциальный уровень предметного поля), можно сделать следующие выводы: 1) предметное поле политологии шире пределов политической системы и не совпадает, таким образом, с «официальным» объектом политической науки; 2) границы (то есть *объём* понятия) самого предметного поля политической науки носят при этом принципиально неустойчивый, динамический характер, который, в свою очередь, *не всегда* связан только лишь с качественными изменениями политической и социальной систем (то есть с изменением *содержания* понятий последних); 3) инструментом в определении границ предметного поля политологии (причём применительно к каждому, отдельно взятому, исследованию) служит многомерный феномен политической власти; 4) дефиницией предметного поля политологии в таком случае является *сфера приложения и функционирования в социуме политической власти* (в самом широком смысле, включая «дисциплинарную» власть Мишеля Фуко и второе, и третье «лицо» трёхмерной концепции власти Стивена Льюкса). Также отметим, что, как мы говорили в самом начале статьи, более ясное понимание объёма понятия предметного поля политологии поспособствует не только более релевантному изучению политики и политической власти исследователями, но и позволит государственным деятелям нашей страны более эффективно проводить практические преобразования в тех или иных сферах нашего общества. Ведь если представители государственных структур будут иметь ясное представление о том, в каких пределах и каким образом функционирует политическая власть, то это во многом сможет облегчить им работу.

Список литературы

1. **Алексеева Т. А.** Политическая философия: от концепций к теориям: учебное пособие. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 397 с.
2. **Алексеева Т. А.** Современные политические теории: курс лекций. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 464 с.
3. **Антология мировой политической мысли:** в 5-ти т. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; руководитель проекта Г. Ю. Семигин и др.; ред.-науч. совет: пред. совета Г. Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 1997. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. 830 с.
4. **Аристотель.** Политика. М.: АСТ МОСКВА, 2010. 393 с.
5. **Бенуа А.** Карл Шмитт сегодня / пер. с фр. С. Денисова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
6. **Берёзкина О. С.** Очерки истории и теории политической науки: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2012. 240 с.
7. **Бляхер Л.** Нестабильные социальные состояния. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 208 с.
8. **Бурдые П.** Социология политики / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
9. **Бурлацкий Ф. М.** О политической науке: избранные произведения. М.: Издательство Московского университета, 2013. 328 с.
10. **Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука:** ежегодник 2012 / Российская ассоциация политической науки; гл. ред. А. И. Соловьёв. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 446 с.
11. **Гидденс Э.** Устройство общества: очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
12. **Иванова А. А.** Общественные объединения как институты взаимодействия с органами власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35). Ч. 2. С. 67-70.
13. **Ильин М. В.** Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 432 с.
14. **Исаев И. А.** Господство: очерки политической философии. М.: Норма, 2008. 352 с.
15. **Категории политической науки:** учебник / А. Ю. Мельвиль и др. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 656 с.
16. **Кильдюшов О. В.** Карл Шмитт как теоретик (пост)путинской России [Электронный ресурс] // Политический класс. 2009. № 1 (49). URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/5890-karl-shmitt-kak-teoretik-postputinskoj-grossii.html (дата обращения: 14.12.2014).
17. **Когнитивные модели и институциональные трансформации:** сборник научных статей / под ред. д.и.н., проф. В. М. Сергеева. М.: Линор, 2003. 196 с.
18. **Кожев А.** Понятие власти / пер. с фр. А. М. Руткевича. М.: Праксис, 2006. 192 с.
19. **Ледяев В. Г.** Власть: концептуальный анализ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 384 с.
20. **Ледяев В. Г.** Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.
21. **Ливенко В. И.** Политическая система (к уточнению содержания понятия) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39). Ч. 2. С. 109-112.
22. **Логинов А. В., Яворская С. А.** Политическая культура как подсистемный институт: анализ с позиций теории политического цикла и системной теории органического типа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33). Ч. 2. С. 83-86.
23. **Луман Н.** Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
24. **Луман Н.** Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 644 с.

25. **Льюкс С.** Власть: радикальный взгляд / пер. с англ. А. И. Кырлежева. М.: Изд. дом Гос. университета – Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
26. **Майер Х.** Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца; под ред. А. В. Михайловского. М.: Издательская группа «Скимень», 2012. 192 с.
27. **Манн Т.** Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского; под ред. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 208 с.
28. **Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века.** М.: Идея-Пресс, 2009. 224 с.
29. **Политология:** лексикон / под ред. А. И. Соловьёва. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 800 с.
30. **Соловьёв А. И.** Политология: политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2000. 559 с.
31. **Сулимин А. Н.** Нелинейная модель функционирования политической системы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. 2. С. 185-187.
32. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
33. **Хабермас Ю.** Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2008. 417 с.
34. **Шмитт К.** Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 272 с.
35. **Шмитт К.** Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007. 301 с.

SUBJECT FIELD OF POLITICAL SCIENCE. ON IDENTIFICATION OF NOTION VOLUME

Koltakov Evgenii Aleksandrovich
Lomonosov Moscow State University
evgkoltakov@yandex.ru

The author pays attention to the role of the notion of subject field in the study of political reality and to the problems of its volume identification. The importance of correlation between various aspects of the socialization of personality in the formation of his/her political consciousness and behaviour is indicated, and the significance of Carl Schmitt's conception in identifying the subject field of political science is emphasized. The necessity of the potential spread of political science subject field outside political system is substantiated.

Key words and phrases: subject field of political science; object and subject of political science; political system; political power; conception of “disciplinary” power of Michel Foucault; political socialization; notion of political by Carl Schmitt.

УДК 305.0(09)

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются проекты политической модернизации России, разработанные как общественными деятелями, так и представителями верховной власти в период политического кризиса самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. Автором анализируются проявления данного кризиса, а также предлагавшиеся способы его преодоления. Внимание акцентируется на программах, предусматривавших умеренное совершенствование политического строя страны в кризисных условиях, что должно было предотвратить эскалацию насилия и намечавшуюся поляризацию общественных сил.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; политический кризис 1870-1880-х гг.; земское движение; либерализм; реформы; народное представительство; «Конституция Лорис-Меликова».

Крот Максим Николаевич, к.и.н.
Южный федеральный университет
makkrot2010@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ПОИСКА ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА РУБЕЖА 70-80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА ©

Рубеж 70-80-х годов XIX столетия стал временем глубокого внутривнутриполитического кризиса Российской империи. Страна стояла фактически перед выбором дальнейшего пути развития – либо продолжение и углубление преобразований предшествующего периода, либо отказ от новых реформ и переход к охранительной политике. Эту непростую дилемму правительству Александра II приходилось решать в условиях серьёзных экономических затруднений и значительного обострения социальных противоречий.